

SERTUM BIBLIOLOGICUM

В ЧЕСТЬ

ПРЕЗИДЕНТА РУССКОГО БИБЛИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ПРОФ. А. И. МАЛЕИНА

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловие редактора	xi
Список трудов А. И. Маленна	xx
С. А. Венгеров. Наша задача	1
Н. М. Лисовский. Книговедение, его предмет и задачи	3
М. Н. Куфаев. Проблемы философии книги	22
Н. К. Замков. «Улей», журнал В. Г. Анастасевича	39
А. Г. Максимов. «Российский Музеум или Журнал Европейских Новостей» 1815 года	71
С. А. Переселенков. «Прошлен» П. М. Леонтьева	88
А. И. Ляценко. Былина о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде	94
В. Н. Перетц. Заметки к тексту «Слово о полку Игореве»	137
В. П. Адрианова-Перетц. Из истории русской агнографии XVI в.	146
Б. И. Коплан. Переводы Г. Р. Державина из Пиндара	155
Б. Л. Модзалевский. Из переписки Жуковского	164
В. Ф. Боцяновский. К характеристике работы Пушкина над новым романом	182
А. Ф. Кони. Александр Фомич Вельтман	194
В. И. Срезневский. Г. Ф. Квитка и И. И. Срезневский	197
А. Г. Фомин. К биографии А. Д. Галахова	214
В. С. Спиридонов. Иван Иванович Козлов	234
П. П. Гнедич. Некрасов, как прозаик	249
Н. Н. Белявский. Страничка из воспоминаний об А. Н. Майкове и Я. П. Полонском	264

А. М. Ловягин. Два отрывка из воспоминаний	268
А. Д. Торопов. Московский Библиографический Кружок	275
Н. Г. Богданова. Книжные богатства Строгановых в 1878 г.	277
В. Н. Княжнин. К истории одного перевода «Антигоны»	285
Н. К. Никольский. К истории русских книг XIX века	296
А. С. Поляков. Эпизод из истории гонения на книгу	306
Л. К. Ильинский. Библиотека И. М. Хвостова	346

Иллюстрации: 1) Портрет А. И. Маленна и 2) Три карикатуры П. М. Боклевского.

Переводы Г. Р. Державина из Пиндара.

Статья *Б. И. Коплана.*

«Пророкъ вдохновенный или древній лирикъ былъ одно и то же. Онъ былъ герольдъ Неба, органъ истины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ; но правда, гремящая въ псалмопѣвнѣяхъ славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ вовѣки! Посему-то, думаю я, болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горация, что въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія». Так говорил Державин в «Разсужденіи о лирической поэзій или объ одѣ»¹⁾ и стремился затем в своем творчестве приблизиться к древним лирикам. В созданную ими форму литературного произведения—оду—Державин свободно вливал свое настроеніе, свои взгляды на современные событія и «собственное нравоученіе», необходимый элемент лирической поэзии, по мнѣнію самого Державина.

Оды Державина, как оригинальные, так и подражательные, не оторваны от течения современной Державину жизни, но отражают жизнь с ее событіями и деятелями, передают личные отношенія поэта к жизни, его темперамент²⁾.

Въ этом смыслѣ особенно любопытны переводы Державина из Пиндара. «Искры богопочтенія и наставленія царямъ», которые Державин прозревал в одах Пиндара, особенно влекли его к этому греческому лирику потому, что и сам он не боялся «истину царямъ с улыбкой говорить». В одах Пиндара Державин открывал те созвучія, которыми он мог, как поэт, отзываться на окружающую обстановку жизни.

Первымъ поэтическимъ опытомъ перевода Державина из Пиндара была «Первая Пиндарова пѣническая пѣснь Этнѣнину Хирону, королю сиракузскому, на побѣду его колесницы»³⁾, написанная в началѣ 1800 года.

По замечанію Я. К. Грота, Державин для этого сочиненія пользовался немецкимъ переложеніемъ од Пиндара с греческаго языка Гедике⁴⁾.

Державин не зналъ греческаго языка. Это обстоятельство препятствовало его непосредственному общенію с любимыми греческими поэтами. В письме

¹⁾ Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота. Изд. Акад. Наукъ; т. VII, стр. 569.

²⁾ Ср. Л. К. Ильинскій. «Изъ рукописныхъ текстовъ Г. Р. Державина». II. 1917 г.

³⁾ Соч. Державина, т. II, стр. 329 слл. В «Объясненіяхъ» Державина, ч. IV (Сибл. 1834, стр. 48) сказано: «Переведена съ Нѣмецкихъ переводовъ Рамлера и Гедике».

⁴⁾ Ibid. стр. 330, примеч.

к А. Ф. Негри от 26 августа 1815 г. Державин высказал свое страстное желание, к его великому сожалению не осуществившееся, «умѣть по гречески, дабы собирать сладость съ греческихъ писателей» ¹⁾. Но довольно хорошее знание немецкого языка, полученное им в детстве, дало ему возможность пользоваться немецким переводом с греческого оригинала. Кроме того, на помощь ему являлись подстрочные переводы съ греческого на русский язык некоторых его друзей, знавших классический язык. Во главе последних стоял Новгородский архиепископ, преосвященный Евгений Болховитинов, отличный знаток греческой и римской поэзии. Об этом свидетельствуют многие письма Евгения к Державину, заключающие в себе иногда обширные экскурсы в область античной поэзии, делаемые Евгением согласно просьбам Державина ²⁾.

Первую пифийскую оду Пиндара Державин перевел, повторяем, пользуясь прозаическим немецким переводом с греческого оригинала Фр. Гедике ³⁾.

Нам известен взгляд Державина на сущность художественно-поэтического перевода, высказанный им в одном из писем к В. В. Капнисту: «Поэзію на другой языкъ съ такою же красотою перелить не можно... всего лучше, держась издали плана и мыслей, подражать только духу творца, принаравливая чувства свои къ нему» ⁴⁾.

И сам Державин следовал такому принципу поэтического перевода. Уловив из дословного немецкого перевода дух творца пифийской оды, Державин переложил его произведение на русскую стихотворную речь так, что сохранилась красота греческого оригинала, сохранился тот внутренний огонь вдохновения, «звучный гром», которым отличается творчество Пиндара.

Евгений Болховитинов писал Державину в 1805 году: «Сводить я съ оригиналомъ переводъ вашъ первой пифической оды... Вы, къ удивлению моему, чрезвычайно близко попали на оригиналь» ⁵⁾. Евгения, знавшего о том, что Державин пользовался далеко несовершенным немецким переводом ⁶⁾, удивила близость переложения Державина к духу греческого оригинала.

Какие же личные «чувства» «приноровил» Державин к переложению I-ой пифийской песни Пиндара?

И. К. Грот высказывает мысль, что перевод «сдѣланъ едва ли безъ примѣненія къ современнымъ обстоятельствамъ... Итъ почти никакого сомнѣнія, что подъ большимъ Хирономъ поэтъ разумѣлъ Суворова. Легко также отыскать въ одѣ намеки на Императора Павла и на Вел. Кн. Александра Павловича» ⁷⁾.

¹⁾ Соч. Державина, т. VI, стр. 323.

²⁾ Ср. например, письмо преосвящ. Евгения к Державину от 7 июля 1816 г. Соч. Держав., т. VI, стр. 347.

³⁾ «Pindars Pythische Siegshymnen», Verdeutschet von Fr. Gedike. Berlin, 1779.

⁴⁾ Письмо Державина к Капнисту от 5 Сентября 1815 г. Соч. Держ., т. VI, стр. 326 сл.

⁵⁾ Переписка. Соч. Державина, т. VI, стр. 171.

⁶⁾ См. письмо от 4 Октября, 1805 г. Ibid., стр. 171.

⁷⁾ Сочин. Державина, т. II, стр. 331, примеч.

Действительно, во время сочинения этой оды Державин был очень взволнован несчастной судьбой любимого своего друга А. В. Суворова. Совершивший столько подвигов во славу своей родины, гениальный полководец умирал одинокий и забытый, обиженный и обойденный неблагодарным Императором. И невозможно было что-либо предпринять для облегчения участи опального героя, хотя бы в смысле нравственной поддержки его открытым сочувствием друзей.

И вот Державин находит отзвук своему порыву-сочувствию обойденному судьбой великому своему другу в классических строфах оды Пиндара:

Возставь, о Боже! и Хирона
Ты такъ съ болѣзненна одра
И въ временахъ ему грядущихъ
Во всёхъ желаньяхъ даждь успѣхъ!¹⁾

Прогрѣмевшая слава Суворова колола глаза фаворитам Павла, да и сам Павел завидовал втайне сиянию подвигов своего полководца и потому холодно относился к прославлению Суворова в песнопениях Державина.

О недоброжелательности Павла к Суворову из зависти сам Державин упоминает в объяснениях к эпиграфу, помещенному им на обороте заглавного листа отдельного оттиска оды «На переходъ Альпійскихъ горъ». Эпиграф следующий: «Великій духъ чтитъ похвалы достоинствомъ, ревнуя къ подобнымъ; малая душа, не видя ихъ въ себѣ, помрачается завистию. Ты, Павелъ, ровняешься солнцу въ Суворовѣ; удѣляя ему свой блескъ, великолѣпнѣе сіяешь». Объяснение Державина к этому эпиграфу, не напечатанное в «Объясненіяхъ на [сочиненія Державина]»²⁾, гласит, что он написал это «съ намѣреніемъ, дабы Павелъ позналъ, что примѣчено публикою его недоброжелательство къ Суворову изъ зависти, для чего сія ода холодно и была принята»³⁾.

И, конечно, Павел не простил бы поэту открытых, громких похвал и гимна герою после удаления его от дел и ссылки в Новгородскую деревню. И Пиндар поет у Державина:

И собственныхъ хвала гражданъ
Завистникамъ зметъ тайно сердце.⁴⁾

На другой день после смерти А. В. Суворова († 6 Мая 1800 г.) Державин, сообщая Н. А. Львову о горестном событии, прибавляет: «говорять, что хорошо это съ нимъ случилось. Подлинно, хорошо въ такой славіи внѣ и въ такомъ неуваженіи внутрь окончить вѣкъ! Это истинная картина древняго великаго мужа. Вотъ урокъ, вотъ что есть человѣкъ!»⁵⁾

¹⁾ «Первая Пиндарова пьенческая пѣнь» строфа 16-я. Соч. Державина, т. II, стр. 337.

²⁾ В «Объясненіяхъ» сказано лишь: «Но причинамъ неизвѣстнымъ Ода сія была принята холодно». (стр. 82).

³⁾ См. примеч. Я. К. Грота к оде «На переходъ Альпійскихъ горъ». Соч. Державина, т. II, стр. 280.

⁴⁾ «Первая Пинд. пьенч. пѣнь». Строфа 23-я. Соч. Держ., т. II, стр. 340.

⁵⁾ Переписка. Соч. Держ., т. VI, стр. 106.

Свои чувства Державин мог не утаить лишь в письме к другу. Лира же его не смела прозвучать негодованием на несправедливость «могущих» и пропела лишь элегические стансы на смерть «богатыря» (*Синьгирь*).

Ко времени расцвета славы генералиссимуса Суворова после совершенного им знаменитого перехода через Альпы в 1799 г. относится торжественная ода Державина—«На переходъ Альпийскихъ горъ», воспеваящая «князя славы». Когда обстоятельства изменились, и Суворов оказался в опале, то его певец, также гонимый судьбою и не оцененный новым государем, сменившим Фелицу, обращается к источнику своего вдохновения—Пиндару и в его одах находит «применение своихъ чувствъ».

В собрании сочинений Державина, изданном Академией Наук под редакцией и с примечаниями Я. К. Грота, не напечатана любопытная работа Державина: перевод седьмой пифийской оды Пиндара, перевод, правда, в прозе, черновой, подготовительный к стихотворному, но для нас весьма интересный, как подтверждающий догадку о реальной основе переложения 1-й пифийской оды Пиндара. Да, вѣдь, ценно вообще все, что относится к творческой работе такого поэта, как Державин ¹⁾.

Перевод в прозе 7-й пифийской оды Пиндара найден нами в собрании рукописей литературного архива Я. К. Грота, хранящемся в Пушкинском Доме,—среди бумаг, относящихся к биографии Державина и работам Я. К. Грота над академическим изданием сочинений поэта.

Перевод этот (в автографе Державина) относится, вероятно, к 1799 или самому началу 1800 г. Приводим его текст (по автографу) ²⁾, стави в [] слова, зачеркнутые поэтомъ:

«Переводъ 7-й оды
[приписанной Аристомену]
Мегаклеу
афинскому побѣдителю на ристаніи на
[квардижъ квардижъ] колесницахъ.

Я прославляю побѣду одного изъ сыновъ Алкмеона, возвышаю ³⁾ я памято-
зданіе всему могущему потомству сему [имя званіе] Имя гордой Афины [есть
лучшае украшеніе кое могу я кое которое хочу воздвигнуть по оноу будетъ
лучшее оному его ему украшеніе есть сам...] самое лучшее украшеніе которое
я могу поставить на оное. И какое имя славнѣя [могу я внушить Греціи] Афинъ
и Алкмеона могу я внушить Греціи? [всѣ] Похвалы дѣтей Еректеея составляютъ
[беседа...] всѣхъ городовъ бесѣды. Они, Аполонъ, въ священномъ обиталищѣ
[Делфа] делфискомъ поставили храмъ твой. О, [Мегакле] Мегаглезь! твои
и предковъ твоихъ побѣда изображаются опять въ глазахъ моихъ. Они тре-

¹⁾ В этом смысле весьма поучительна статья Г. К. Ильинского—«Изъ рукописныхъ текстовъ Г. Р. Державина» (П. 1917), лишней раз подтверждающая, насколько важна каждая строчка, каждое слово рукописного наследства писателя для выяснения приемов его творчества и, в некоторых случаях, реальной основы его произведений.

²⁾ Соблюдаем при этом орфографию подлинника.

³⁾ На полях слева: возвышаю.

бують моихъ похвалъ [моихъ] увенчанныя двукратно [2 раза] въ Дѣлѣ -а пять разъ въ полуостровѣ [Кадіи]. Отлическая ¹⁾ пальма есть [самое самая] и самое лутчая побѣда: торжество.

Но [когда] похвалія послѣднія твои утѣхи, [то] соболезную я о томъ что великія дѣла навлекають на насъ зависть. Давно уже сказано, что и самое цвѣтущѣе благоденствіе смертныхъ и щастіе самое твердое преслѣдованно [множествомъ] преграждаемо множествомъ сукъ».

Для сравненія приводимъ ниже немецкій переводъ с греческаго оригинала Фр. Гедике, которымъ, вероятно, Державинъ пользовался и в данномъ случаѣ (см. выше).

Grosses Athen, der Alkmäoniden mächtigem Geschlechte bist du des Liedes schönster Beginn, du der festeste Grund des rosselaufpreisenden Lobgesangs.

Denn ha! Welch Vaterland, welch Haus mag ich der Aferwelt nennen, das glänzender in Hellas schimmerte. Durch alle Städte fliegt der Ruf von Erechtheus-Bürgern die dir, Apollon, einen herrlichen Tempel im göttlichen Python bauten.

*Mich lokken fünf Siege des Isthmus, und ein strahlender in Jupiters Olympia, und zwei in Kirrha, o Megakles, deine und deiner Ahnberrn Siege.

Des neuersiegten Ruhms freuet mein Herz sich. Nur trübt es mir die Seele, dass Neid den Edelthaten folgt. Doch immer sprossste den Sterblich neben unverwelklich blühender Seligkeit bald dies bald jenes hervor.

Греческій оригиналъ, с котораго переводилъ Гедике, является в такомъ видѣ ²⁾:

ΠΥΘΙΟΝΙΚΑΙ Ζ' ΜΕΓΑΚΛΕΙ
ΑΘΗΝΑΙΩΙ ΤΕΘΡΙΠΠΩΙ

Κάλλιστον αἰ μεγαλοπόλιες Ἀθῆναι
προσίμων Ἀλκμανιδῶν εὐρουσθενεῖ γενεῇ
κρηπίδ' αἰοιδῶν
ἵπποισι βαλέσθαι.

Стр.

3. ἐπεὶ τίνα πάτραν, τίνα οἶκον
ναῖοντ' ὀνομάζομαι
ἐπιφανέστερον
Ἑλλάδι ποθέσθαι;

πάσαισι γὰρ πόλειςι λόγος ὀριλεῖ

Ἀντ.

10. Ἐρεχθέος ἀστῶν, Ἄπολλον, οἱ τεόν γε δῶμον
Πυθῶνι δία
θαητὸν ἔτευξαν.
ἄγοντι δέ με πέντε μὲν Ἴσθμοῖ
νῆλαι, μία δ' ἐκπρεπῆς

¹⁾ Вместо: аттическая.

²⁾ Печатаем по изданию—Pindari carmina. Berolini 1864, p. 233—236.

15. Διὸς Ὀλυμπιάς,
 ὅσο δ' ἀπὸ Κίρρας,
 ὦ Μεγάκλεες, ὑμαί τε καὶ προγόνων.
 νέα δ' εὐπραγία χαίρω τι τὸ δ' ἄγνομαι,
 φθόνον ἀμειβόμενον τὰ καλὰ ἔργα.
20. φαντί γε μὴν οὕτω κεν ἀνδρὶ παρμονίμῳ
 ἠάλλοισαν εὐδαμονίαν
 τὰ καὶ τὰ φέρεσθαι.

Ἔπ.

Сравнивая перевод Державина с немецким переводом Гедике, нельзя не признать, что для Державина перевод Гедике с греческого служил лишь передачей содержания оригинала. И в своем переложении на русский язык, чувствуя уже, в какую стихотворную форму выльется ода, Державин не следовал рабски немецкому переводу, но видоизменял его, подготавливая текст для мерной речи победной песни. Но стихотворной законченной оде не суждено было вылиться из-под пера Державина, по неизвестным для нас причинам.

Вглядываясь в основу текста перевода Державина 7-й оды Пиндара, где Пиндар прославляет сына Алкмеона—Мегакла, одержавшего, как мы знаем, победу в ристании на 86-м пифийском торжестве, и размышляет о превратности судьбы,—невольно вспоминаешь победы Суворова, чудеса его храбрости, сияние его славы и—неожиданную «премѣну» его судьбы.

В переводе Державина «7-й оды» мы читаем: «Похваляя послѣднія твои утѣхи, соболѣзную я о томъ, что великія дѣла навлекаютъ на насъ зависть, Давно уже сказано, что самое цвѣтущее благоденствіе смертныхъ и шастіе самое твердое преграждаемо множествомъ скукъ».

Не этот ли мотив и в 1-й пифийской оде?

И собственныхъ хвала гражданъ
 Завистникамъ жметъ тайно сердце...

И далее:

Межъ тѣмъ рождать пріятнѣй зависть,
 Чѣмъ сожалѣнье намъ...

Вспомним при этом, что пережил сам поэт незадолго до опалы Суворова, как он в 1796 г. былъ удален из Государственного Совета сумасбродным Павлом за то только, что, как он сам рассказывает в своих «Записках», «просилъ инструкціи, дабы вѣрнѣе отправлять свою должность»¹⁾.

Понятен становится выбор оды любимого греческого поэта для выражения личного чувства, вернее, сочувствия другу, когда можно и самому вспомнить личные, недавно пережитые испытания, преследования завистливого рока.

Переложением 1-й пифийской оды и подготовительным переводом 7-й пифийской оды ограничивается Державин в смысле искания в творчестве Пиндара отзвуков личным чувствованиям, но не потому, что ему не совето-

¹⁾ Соч. Державина, т. VI, стр. 705.

вали продолжать переводить из Пиндара. Нет: вот, что говорит сам поэт в анакреонтической песне — «Гитаре» — (она написана в 1800 г. для А. С. Жегулиной, вскоре после 1-й Пиндаровой пифийской оды):—

Шестиструнная гитара,
У красавицы въ рукахъ,
Громы звучнаго Пиндара
Заглушая на устахъ,
Мнѣ за гласомъ звонкимъ, нѣжнымъ
Пѣть велить любовь ¹⁾.

Причина молчания была другая: в царствование Павла не было места торжественному гимну. А когда, въ 1801 году, на престол вступил Александр I, внук Фелицы, то Державин снова возвращается к оде. («На коронацію императора Александра I»).

Ему, еще в бытность его Великим Князем, читал Державин наставления устами древнего лирика в переложении его 1-й пифийской оды:

Рулемъ довѣрья правъ народъ,
Судь искушай въ горнилѣ правды.
.....
Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ
И щедрымъ быть не отрекайся.
.....
Лишь никогда, любезный мой,
Не обольщайся царедворцевъ
Лукавой сладостью словесъ ²⁾.

А после первых пяти лет царствования Александра I, Державин, отдохнувший душой от несправедливого отношения к нему в предшествовавшем царствовании, вновь обращается к своему поэтическому идеалу — Пиндару и находит в классических строфах торжественных его од («Олимпийских») мотив благодарности и счастья. И он вдохновенно перекладывает на русскую стихотворную рѣчь 1-ю Олимпийскую песнь Пиндара, в которой восхваляется правосудие и мудрость Хирона (Герона), тирана Сиракузского. В лице последнего Державину удобно было воспеть своего «ангела благодатного», внука «богоподобной» Фелицы.

Скиптръ правосудья вращаетъ
Онъ въ многострадной Тринакрѣ,
Доблестей цвѣтъ всѣхъ собирая,
Блещетъ, красой озаряясь,
Пѣсней согласной съ музыкой,
Какъ мы дружески часто,
Сидя съ нимъ вкругъ за трапезой,
Въ славу ему восклицаемъ ³⁾.

Соч. Держ., т. II, стр. 361.

¹⁾ Соч. Державина, т. II, стр. 342.

²⁾ Строфы 24, 25. Соч. Держ., т. II, стр. 340 сл.

³⁾ «Пиндарова Олимпийская первая пѣснь». Строфа 3-я.

При переложении этой оды Державин следовал, как и при переложении 1-й пифийской оды, немецкому дословному переводу Гедике (см. выше), как справедливо отмечает это Грот ¹⁾. Но дальнейшее предположение Грота о том, что Державин пользовался и подстрочным русским переводом с греческого оригинала 1-й олимпийской оды, не кажется нам достоверным. Грот основывает свою догадку на том факте, что в бумагах Державина нашлись два перевода в прозе 2-й олимпийской оды Пиндара, написанные неизвестною рукою.

Мы знаем, что в то время такую работу для Державина мог сделать лишь преосвященный Евгений Болховитинов. Но письма митр. Евгения дают иное. Например, письмо, написанное вскоре после переложения Державиным 1-й олимпийской оды ²⁾. В этом письме преосвящ. Евгений, сообщая Державину о сделанном для него дословном переводе с греческого 6-й олимпийской песни Пиндара, упоминает о двух переложениях самого Державина из Пиндара непосредственно с немецкого перевода в прозе: во-первых, о переложении 1-й пифийской оды, которое Евгений «сводил с оригиналом», и, во-вторых, о переложении «другой оды», очевидно, 1-й олимпийской, с которым Евгений еще не успел ознакомиться, но о котором он уже слышал.

Из письма Евгения можно заключить, что он не переводил для Державина на русский язык с греческого 1-ю олимпийскую оду Пиндара. А в то время лишь он мог это сделать для своего друга—поэта. Следовательно, 1-ю олимпийскую оду, как и 1-ю пифийскую, Державин переложил стихами, пользуясь прозаическим переводом с немецкого, руководясь в переложении на стихи собственным принципом перевода: перенимать лишь дух переводимого поэтического произведения, не слишком заботясь о точности перевода.

Из письма Евгения от 4 октября 1805 г. мы узнаем, что Державин начал перевод 6-й олимпийской оды, пользуясь, вероятно, немецким переводом Гедике. Но так как Евгений характеризует перевод Гедике как «въ буквальнойности неполный и невѣрный», то и переводит по желанию Державина 6-ю олимпийскую оду Пиндара непосредственно с греческого языка «самымъ строгимъ буквальнымъ образомъ, строка въ строку». Но стихотворного переложения этой оды Державин не подарил русской поэзии.

Не зная греческого языка и пользуясь для перевода из Пиндара немецким пособием, Державин не мог переводить размером подлинника. Но это и не под силу было Державину, так как правила греческой просодии плохо были известны ему. Лишь в 1816 г., уже после сочинения «Разсуждения о лирической поэзии», Державин обратился к преосвящ. Евгению за сведениями о поэтических размерах, и Евгений в письме к Державину от 7 июля 1816 г. ³⁾ объяснил ему правила античной просодии. А в письме отъ 21 ноября 1805 г. ⁴⁾ Евгений писал о трудности перевода Пиндара непосредственно с греческого языка. Он объяснял поэту в этом письме, что у Пиндара «нѣтъ почти постоян-

¹⁾ Соч. Держ., т. II, стр. 559.

²⁾ Переписка. Соч. Державина, т. VI, стр. 171 сл.

³⁾ Соч. Державина, т. VI, стр. 347 слл.

⁴⁾ Ibid., стр. 172.

наго правила просодии», что у него «сплошь переищиваются разного рода стихи». Вероятно, это письмо было ответом на недошедшее до нас письмо Державина к Евгению, в котором поэт спрашивал у своего ученого друга различные сведения из области античной поэзии.

Первую пифийскую оду Пиндара Державин перевел всю обычным четырехстопным ямбом, не рифмованными стихами, создающими впечатление классической оды.

В переложении 1-й олимпийской оды Державин стремился приблизиться к форме классической оды. В этом переложении мы видим уже строфы и антистрофы с одинаковым числом стихов, не отмеченные самим поэтом, но которые можно выделить на основании смены ритма.

Свою любовь и близость к пониманию творчества Пиндара Державин обнаружил уже в раннем оригинальном своем произведении—«Афинейскому витязю» — оде, строение которой (деление на строфы, антистрофы и эпод) и поэтические достоинства близко подходят к творчеству древнего лирика.

Современники Державина называли его «наш Пиндар». Дельвиг в стихотворении «На смерть Державина» рисует образ его, как преемника поэтов классической древности:

И Пиндаръ узналъ себѣ равнаго, Флаккъ философа брата,
И Анакреонъ нацѣдилъ ему въ кубокъ пылающій нектаръ.

Б. Коплан.
